

стаей перелетной...: стихи // Север. 2000. № 10; Стихи // Лит. Вологда: альм. Вып. 1. Вологда, 2001. С. 440–443; Стихотворения и поэмы. М., 2001.

Лит.: Цыганов А. Земное счастье // Шадринов А. Далекий плач. Вологда, 1994. С. 7–8; Щуплов А. «И слава Богу, сил моих хватило, чтоб одолеть нечаянный испуг...» // Книжное обозрение. 1995. 23 мая; Бараков В. Далекий плач // Москва. 1997. № 10. С. 176–179; Дорошенко Н. Тема // Российский писатель. 2001. № 16. Сент.; Бараков В. «Слова лежат в глубинах русских рек...» // Зеркало. 2001. 28 нояб.; Куняев Ст. Очарованный странник // Шадринов А. Ю. Стихотворения и поэмы. М., 2001. С. 121–122; Огрызко В. В. Изборник: Материалы к словарю русских писателей конца XX — начала XXI века. М., 2003. С. 268.

В. Н. Бараков

ШАЛАМОВ Варлам Тихонович [18.6(1.7). 1907, Вологда — 17.1.1982, Москва] — прозаик, поэт.

Родился в семье священника, человека европейски образованного, позитивного склада мышления, придерживавшегося достаточно свободных и независимых взглядов. Твердый в убеждениях, бескомпромиссный в нравственных вопросах, отец и религиозность понимал более широко, чем это предписывалось канонам. Именно от него, по словам самого писателя, он унаследовал страстность характера. Мать Ш. была женщиной с тяжелой долей, полностью прикованная к хозяйству, но душевная, тонкая, любившая поэзию и бывшая много ближе младшему сыну, чем отец. Героями детских и юношеских лет Ш. были русские революционеры; любимое чтение — повести эсера-террориста Бориса Савинкова (Ропшина) «Конь бледный» и «То, чего не было». Именно они помогли сформироваться главному жизненному принципу будущего писателя — соответствию дела и слова. Однако горячее пристрастие к людям, посвятившим себя революционной деятельности, сочеталось у Ш. с трезвым пониманием средств борьбы этих людей и трагических результатов их деятельности.

В 1924 Ш. покидает Вологду и 2 года работает дубильщиком на кожевенном заводе в Сетуни, а в 1926 становится студентом ф-та советского права МГУ. В период учебы принимает участие в лит. жизни, сближается с группой ЛЕФ (влияние левовской эстетической концепции — «лит-ры факта» — ощущимо в зрелом творчестве Ш.). Жажда познания и действия переполняют юного Ш.: митинги, демонстрации, лит. и философские диспуты. В февр. 1929 за распространение «завещания» Ленина — письма к XII съезду — аресто-

ван и приговорен к 3 годам лагерного заключения, которое отбывал в Вишере. «Что мне дала Вишера?.. Испытанный тяжелой пробой... я выдержал... Я крепко стоял на ногах и не боялся жизни».

В 1932 Ш. возвращается в Москву, работает в ведомственных журналах, печатает статьи, очерки, фельетоны. Тогда же публикует первые рассказы — «Три смерти Аустино», «Пава и дерево». Несмотря на романтическую приподнятость, и в этих рассказах ощутимы мотивы зрелого творчества Ш.

В янв. 1937 Ш. снова арестован (5 лет с отбытием на Колыме). Однако эти 5 лет превратились в 15, т. к. в 1943 ему добавили еще 10 лет за антисоветскую пропаганду: назвал эмигранта И. А. Бунина русским классиком.

В 1951 освобожден из лагеря, начинает писать рассказы и стихи. Реабилитирован в июле 1956, возвращается в Москву, работает внештатным корреспондентом ж. «Москва».

В 1957 в ж. «Знамя» напечатаны его стихи, в 1961 выходит первый поэтический сб. «Огниво», затем сб. «Шелест листьев» (1964), «Дорога и судьба» (1967), в 1972 — «Московские облака». Однако проза Ш. к печати в СССР не принималась.

С 1966 рассказы Ш. начинают публиковать на Западе.

В. Т. Шаламов

Колымская проза Ш. самим писателем разделена на 6 книг: «Колымские рассказы», «Левый берег», «Артист лопаты», «Очерки преступного мира», «Воскрешение лиственницы», «Перчатка, или КР-2». К ним примыкают «Воспоминания» о Колыме и «Антироман» — цикл рассказов о лагерях Вишеры. Работа над колымской «эпопеей» продолжалась с 1954 по 1982.

Ш. подчеркивал «абсолютную достоверность», даже документальность своих новелл, иногда называл их очерками. В сб. его прозы (особенно в завершающем цикле «Перчатка, или КР-2») немало текстов откровенно мемуарного, очеркового характера, не преследующих иной цели, кроме максимально достоверного воспроизведения какого-либо эпизода лагерной жизни автора. Но преобладает, говоря словами самого Ш., «не проза документа, а проза, выстраданная как документ». Ш. с дотошностью этнографа описывает уклад лагерной жизни, в рассказах очень велик удельный вес деталей и подробностей бытового обустройства. Но при всей конкретности и «физиологической» точности описаний перед читателем высокохудожественная проза, в которой колымская жизнь предстает гротесково-абсурдной и ирреальной.

Ш. называл «Колымские рассказы» «новой прозой», имея в виду как идейно-концептуальную, так и чисто эстетическую новизну. «Новая проза» должна была, по мысли писателя, стать отражением и осмыслением опыта XX в., опыта кровавых войн, революций и прежде всего лагерей — фашистских и советских. XX в. поставил под сомнение многие накапливавшиеся столетиями духовно-нравственные ценности. По определению Ш., в его рассказах человеческая природа исследуется «в крайне важном, не описанном еще состоянии, когда человек приближается к состоянию, близкому к состоянию зачеловечности». Лагерная жизнь разрушает привычные нравственные и культурные механизмы, остается голая человеческая суть. «Проза моя, — писал Ш., — фиксация того немногого, что в человеке сохранилось; каково же это немногое? И существует ли предел этому немногому, или за этим пределом смерть — духовная или физическая?»

Стремление добраться до сути, безжалостно отметить все внешнее, необязательное, весьма характерно для эстетики Ш. Этим не в последнюю очередь объясняется и лаконичность его текстов. По собственному признанию Ш., он любил читать русских прозаиков

XX в. с карандашом в руке, вычеркивая все, что считал лишним. При этом «от Бабеля оставалось немного, а от Ларисы Рейснер и совсем ничего не оставалось». Русскую классическую лит-ру Ш. постоянно критиковал за присущий ей гиперморализм и гуманистический пафос. Подчеркивал, что «искусство лишено права на проповедь», «не имеет права учить». В особенности нетерпимо относился к толстовскому нравственному учительству, утверждал даже, что «все террористы были толстовцы и вегетарианцы». Отвергая толстовскую традицию, ориентировался на опыт Пушкина и Чехова. Высоко ценил Достоевского, но на страницах колымской прозы постоянно вел с ним полемику.

Спор с гуманистической лит-рой прошлого, прежде всего с русской классикой, составляет основу содержания мн. произведений Ш. Первая фраза рассказа «На представку» (1956): «Играли в карты у коногона Намумова» — отсылает читателя к «Пиковой даме», невольно заставляя соотносить изображаемое с проблематикой пушкинской повести, а через нее — с «роковыми» для лит-ры XIX в. вопросами о цели и средствах, о праве на кровь, о гармонии, купленной ценой детской слезинки. На лит. фоне (блатари играют в карты, вырезанные из томика Виктора Гюго; у одного из них на груди вытатуирована цитата из Есенина: «Как мало пройдено дорог, как много сделано ошибок») разворачивается страшный рассказ о том, как, ни секунды не раздумывая, человека убивают из-за шерстяного свитера. «Не могли, что ли, без этого!» — восклицает один из эзков, но возмущение вызвано не убийством, а ущербом, нанесенным выигранной вещи. Новеллу завершает бесстрастное резюме героя-рассказчика: «Игра была окончена, и я мог идти домой. Теперь надо было искать другого партнера для пилки дров».

Повествование в колымских рассказах всегда остается эпически спокойным, нет нагнетания чувствительности, авторский комментарий лаконичен и беспристрастен. Лагерный беспредел увиден глазами человека, обладающего недоступным простому смертному опытом, он — «не Орфей, побывавший в аду, а Плутон, поднявшийся из ада». Шаламовский персонаж видел и знает то, что «человек не должен знать, не должен видеть, а если видел — лучше ему умереть».

«Я вне правды, вне лжи», — говорит о себе герой «Сентенции» (1965). В таком же состоянии — вне правды и лжи, вне добра и зла — существуют, как правило, и остальные шаламовские персонажи. «Не жизнью

была замещена смерть, а полусознанием, существованием, которому нет формул и которое не может называться жизнью». В худож. мире колымских рассказов утрачена всякая временная перспектива, практически отсутствует связь с эпохой. В рассказе «Июнь» авторский персонаж Андреев слушает сообщение о нападении Германии на Советский Союз с полным равнодушием — «так, как известие о войне в Парагвае или Боливии». Опыт, приобретенный в царстве мертвых, учит, что «Бог умер» и «разумного основания у жизни нет». В отличие от А. Солженицына, который в сталинских застенках пришел к религии, Ш. был убежденным атеистом. «Веру в Бога я потерял давно, лет в шесть,— писал он.— ...И горжусь, что с шести лет и до шестидесяти я не прибегал к его помощи ни в Вологде, ни в Москве, ни на Колыме». В своих рассказах Ш. в противоположность Солженицыну почти не касается конкретных социально-исторических, политических причин террора, для него колымский беспредел стал прежде всего чудовищным разливом зла, глубоко укорененного в самой природе человека. Лагерь — не нарушение законов обычной жизни, а сгусток их, «слепок нашей жизни». Ш. не делит своих героев на жертв и палачей; палачи у него всегда либо вчерашние, либо завтрашние жертвы: «Суть в том, что тебя судят вчерашние (или будущие) заключенные... Отбывшие срок берут винтовки — охранять, берут палку — командовать». Злоба в шаламовских рассказах выступает как «самое долговечное человеческое чувство» («Сухим пайком»), это последнее, что остается перед смертью. Мн. персонажи Ш., подобно герою «Поезда», живут «только равнодушной злобой».

В рассказе «Сентенция», одном из лучших у Ш., речь идет о возвращении человека из духовного небытия в человеческий облик. Постепенно герой обретает «равнодушие-бесстрашие», потом страх, зависть — к мертвым, жалость — сначала к животным, затем к людям. Самое высшее — и последнее — восстановление Слова: герой вспоминает забытое им слово «сентенция», что изображено как символический акт приобщения к культуре, акт духовного воскресения. Именно культура для Ш. занимает главное место в иерархии ценностей. Он убежден, что «есть один род бессмертия — искусство», хотя искусство, по мысли Ш., вряд ли способно исправить человечество.

Умер Ш. в психоневрологическом доме инвалидов. Похоронен на Кунцевском кладбище.

Соч.: Колымские рассказы: в 2 т. / сост., подгот. текста, вступ. статья И. Сиротинской. М., 1992; Колымские рассказы. М., 1990; Колымские рассказы. М., 1991.

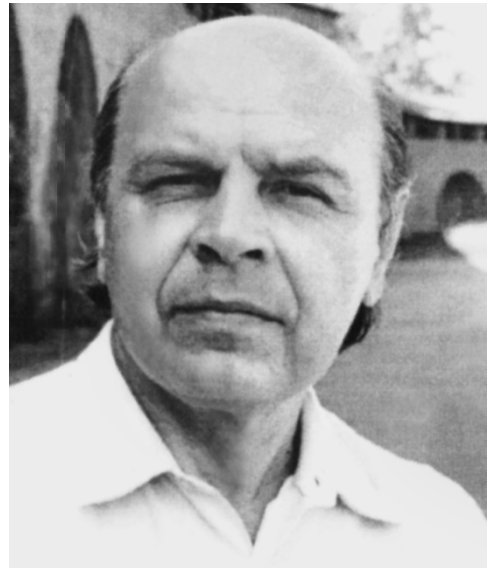
Лит.: Тимофеев Л. Поэтика лагерной прозы: Первое чтение «Колымских рассказов» В. Шаламова // Октябрь. 1991. № 3; Лейдерман Н. «...В метельный, ледяной век»: О «Колымских рассказах» В. Шаламова // Урал. 1992. № 3; Дарк О. Миф о прозе // Дружба народов. 1992. № 5; Шкловский Е. Варлам Шаламов. М., 1991; Шаламовский сб. / сост. В. Есилов. Вологда, 1994.

А. О. Большев

ШАМШУРИН Валерий Анатольевич [19.3.1939, Агрыз (Татария)] — поэт, прозаик.

Родился в семье железнодорожника. Вскоре после его рождения отца перевели в Горький, где и прошло детство писателя. Поэтический дар пробудился в Ш. еще в ранние школьные годы: первые строки появились под влиянием лирики Пушкина, томик стихов которого Ш. получил в подарок на день рождения. Из ярких впечатлений детства — увлечение поэзией Некрасова, произведения которого часто цитировал отец.

Окончив школу, Ш. поступил на историко-филол. ф-т Горьковского ун-та. В студенческие годы состоялся творческий дебют Ш. 27 марта 1958 в газ. «Горьковский рабочий» напечатано стих. «Он богатырски встал», посвященное памятнику М. Горького работы Мухиной. С этого момента, по признанию самого Ш., лит. творчество стало его судьбой.

В. А. Шамшурин